

Померанц Г. С. Человек ниоткуда [Электронный ресурс]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_man_air.htm (дата обращения: 12.01.2014). [Pomeranc G. S. Chelovek niotkuda [Electronic resource]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_man_air.htm (mode of access: 12.01.2014).]

Рубина Д. Белая голубка Кордовы. М., 2011а. 544 с. [Rubina D. Belaja golubka Kordovy. M., 2011. 544 s.]

Рубина Д. Люди воздуха. Трилогия. М., 2011б. 976 с. [Rubina D. Ljudi vozduha. Trilogija. M., 2011. 976 s.]

Рубина Д. Синдром Петрушки. М., 2011в. 432 с. [Rubina D. Sindrom Petrushki. M., 2011. 432 s.]

Рубина Д. Почерк Леонардо. М., 2012. 464 с. [Rubina D. Pocherk Leonardo. M., 2012. 464 s.]

Сорокин В. Борение Иакова // Историко-культурный контекст Ветхого Завета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bible-center.ru/book/context/struggle.jsessionid=67irhc5zfxcn> (дата обращения: 12.01.2014). [Sorokin V. Borenie Iakova // Istoriko-kul'turnyj kontekst Vethogo Zaveta [Electronic resource]. URL: <http://www.bible-center.ru/book/context/struggle.jsessionid=67irhc5zfxcn> (mode of access: 12.01.2014).]

Статья поступила в редакцию 18.04.2014 г.

УДК 811.161.1'373 + 811.161.1'28

Т. В. Леонтьева

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ МОТИВЫ В РУССКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ОБЫЧАЯ*

В статье представлен мотивационный анализ обозначений обычая в русских народных говорах и общенародном языке. Лексемы разделены на группы согласно производящим основам, сгруппированным в свою очередь по типам мотивов. Предлагается описание нормативно-регулятивных мотивов в номинациях со значением 'обычай'. Рассматриваются слова, во внутренней форме которых запечатлены представления об обычае как инструменте организации жизни и быта. Автор считает, что результаты анализа лексического материала подтверждают выводы о регулирующей функции обычая, которые содержатся в социально-философских исследованиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантика; русские народные говоры; обычай; традиция; обряд.

Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русском литературном языке неоднократно становились предметом анализа в семантическом ключе. Уделялось внимание особенностям семантики слов русского литературного языка *обычай*, *традиция*, *ритуал*, *закон*, *обыкновение*, *нрав* и разграничению соответствующих понятий [Веснина; Глебкин; Кравченко; Львов; Мустайоки, Вепрева; Сичинава; Чурсина; Шацкая; и др.]. Реже предметом изучения становится лексика русских народных говоров [Грицкевич, Новиков]. Между тем накопленные диалектные материалы содержат значительно большее количество обозначений обычая (по нашим данным, полученным в ходе просмотра словарей и архивов, более 90 слов), чем русский литературный язык.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00274а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке».

Представление обозначений обычая в словарях русских народных говоров таково, что значение приходится уточнять в зависимости от контекста, поскольку в дефиниции зачастую содержится только слово *обычай* без конкретизации того, в каком из его 19 значений оно употреблено, а примеры не всегда есть. Словом *обычай* может обозначаться невероятно широкий круг понятий: любое предписание, принятое в быту поведение, обрядовый элемент, привычный способ выполнения каких-либо хозяйственных работ, обусловленное особенностями местности, климатом, исторически сложившееся отсутствие или наличие какого-либо вида хозяйственных работ (клюкву собирают или не собирают, кресты не ставят на могилах, просватанье обязательно, поминки делают, бабы ходят с кичками и в поневах) и мн. др. Мы принимали во внимание такие синонимы обычая, которые служат обозначениями бытового или обрядового установления.

В отношении лексических множеств, как показывает уже сложившаяся исследовательская традиция, информативен ономасиологический подход. Посредством его выявляются релевантные для носителя языка связи между понятиями: «Мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира, то, как человек (язык) категоризирует мир» [Толстая, с. 119]; «Выбор производящих основ, с одной стороны, определяется ономасиологическими предпочтениями, отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны — ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ» [Варбот, с. 45].

Ономасиологический подход к материалу предполагает анализ внутренней формы слов как сохраняющей актуальную информацию о том, каким представляется носителю языка объект номинации, в данном случае — социальная норма, обычай. Мотивационный анализ собранного нами методом фронтального просмотра словарей и картотек множества обозначений обычая позволил выявить ряд мотивов. Под мотивом понимается реконструируемый смысловой элемент, фиксирующий факт осмысления объекта номинации через апелляцию к представлениям о других объектах действительности. Такой анализ вскрывает семантическую связь между двумя словами, из которых одно является производящим, другое — производным.

Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русских народных говорах и общенародном языке были проанализированы нами в рамках ономасиологического подхода. Обозначения обычая разделены на группы согласно производящим основам, сгруппированным в свою очередь по типам мотивов, актуализируемых посредством данных производящих основ.

Выделено четыре группы мотивов: нормативно-регулятивные, ментально-психологические, онтологические и субъективно оценочные. О ментально-психологических мотивах более подробно см.: [Леонтьева, 2014]. В данной статье будет представлено описание нормативно-регулятивных мотивов.

Среди обозначений обычая самую большую группу образуют слова, во внутренней форме которых запечатлены мотивировочные признаки, позволяющие провести экспликацию представлений об обычае как требующем исполнения, поддержания порядка, организации, управления: «ряд», «череда», «править»,

«обиходить», «чин», «процедура», «положить», «постановить», «установить», «люди», «дед», «ум», «мода», «дорога», «стопа», «постен», «привилегия».

Производящая основа «ряд». Представление об обычае как о части повседневных событий либо ритуальных действий, т. е. как об элементе определенного порядка, вербализуется путем привлечения корня *-ряд-*.

Прежде всего отметим лексические факты русского литературного языка — *обряд* и *порядок*. В русских народных говорах находим их производные: арх., ворон. *обряда* 'обычай, порядок, обряд' [СРНГ, вып. 22, с. 222], юж.-урал. *обряда* 'обычай': «Обычай был встречать мужа у ворот; у нас у самих была такая обряда» [Малеча, т. 3, с. 37], пск. *обрядность* 'обычай, порядок, обряд': «Везде своя автономия, обрядность» [СРНГ, вып. 22, с. 222], казак.-некрас. *обрядок* 'обряд, обычай' [Там же, с. 223] и др.

Иллюстративные контексты к слову *обряд*, фиксируемому в речи диалектоносителей, свидетельствуют о том, что оно трактуется здесь значительно шире, поскольку обозначает вообще установления, особенности организации быта, ведения хозяйства, в отличие от терминологической трактовки его как обозначения символических обрядовых действий: арх., новосиб. *обряд* 'обычай, привычки, приемы в деле; правила, установки': «Наших ловецких обрядов, поди, и не знает он» [Там же, с. 221], юж.-урал. *обряд* 'обычай, право': «Итак, для сих-то самых причин воздумали мы назвать сего Пугачёва покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежния обряды»; «Какой у вас хороший порядок или привычка, обряд» [Малеча, т. 3, с. 36].

Слова с приставкой *по-* также служат преимущественно для обозначения «бытовых обычаев»: пск., твер. *поряд*, *поряда* и *порядища* 'заведенный порядок, обычай' [СРНГ, вып. 30, с. 122], арх., волог., мурман., олон., пск., твер. *порядня* 'обычай, обыкновение, устои': «Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня» [Там же, с. 123], свердл. *поредня* (фонет.? *порядня*?) 'обычай': «Старая поредня лучше была, вечёрки часто были» [ЭИС, вып. 3, с. 131], арх., мурман. *порядня* и *поредня* 'обычай, уклад, традиции': «Где какая деревня, тут такая и поредня: везде всё по-разному» [СРГК, вып. 5, с. 87], волог. *поредня* 'домашнее хозяйство, распоряжение и обычай' [Дилакторский, с. 391].

Примечательно, что и слово *обряд*, и лексема *порядня* выступают в русском языке в качестве обозначений ведения домашнего хозяйства или хозяйственной утвари: *порядня* 'дела, связанные с ведением домашнего хозяйства': «Жену учи... и домашнему обиходу, и всякой порядне умела бы сама и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умела» (XVII в. ~ XVI в.), 'предметы домашнего обихода', 'снасть, оснащение' [СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 147], волог., вят., новг., олон. *порядня* 'работа по дому, ведение хозяйственных дел, домашнее хозяйство': «Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня» [СРНГ, вып. 30, с. 123], волог., перм., твер., яросл. *обряд* 'работы по дому, по хозяйству (приготовление пищи, уход за скотом и т. д.)', волог., перм., пск. *обряд* 'предметы хозяйства, быта, домашняя обстановка' [СРНГ, вып. 22, с. 221] и др.

Нет в русском литературном языке структурно-семантических аналогов слову с приставкой *на-*: свердл. *наряд* 'обычай': «Ране наряды соблюдались»; «В старину нарядов много было» [ЭИС, вып. 3, с. 131].

Производящая основа «чин». К числу обозначений обычая, для которых релевантна идея ряда, порядка, следует отнести устар. *чин* 'порядок совершения чего-л.; обряд' [ССРЛЯ, т. 17, с. 1028], урал. *чин* 'обычай, обряд': «Раньше говорили: родился чином и помер чином» [Малеча, т. 4, с. 446]. По данным этимологического словаря, праслав. **činъ* восходит к индоевропейской основе, которая производна от глагола со значением 'лежать, покоиться; класть'. В свою очередь, глагол *чинить* восходит к праслав. **činiti*, производному от **činъ*, и лишен соответствий в других индоевропейских языках, в славянских же имеет широкий спектр значений, часть которых сводима к древней семантике укладывания слоями [ЭССЯ, вып. 4, с. 112–115]. Далее находим *чин* 'порядок', 'подчинение', 'чиноположение, последование', 'правило, устав', 'определенное место', 'степень', 'должность', 'сан', *чинно* 'в порядке, стройно', *чинити* 'устраивать' [Срезневский, т. 3, с. 1517–1522]. В современном русском языке слово *чин* также имеет значения, которые связаны с рядностью, определением места в ряду, положением, классом, разрядом (*нижний чин*, *высокий чин*, *военные чины*).

Лексемам *чин*, *чинить* родственное слово *причина* [ТСРЯ/С, с. 744; Фасмер, т. 3, с. 369], которое в русских говорах зафиксировано в качестве обозначения обычая: свердл. *причина* 'обычай': «Это причина така была заведёна, что это было, чтобы так. Чтобы жили мирно, чтобы смех, чудо было... не было никакой тоски-печали» [ЭИС, вып. 3, с. 131].

В древнерусском языке находим также приставочное образование, весьма близкое семантически анализируемому диалектному факту, несмотря на то, что в дефиниции отсылка к обычаю отсутствует: *причина* 'порядок, правила, по которым совершается что-либо': «И шахъ бы Аббасъ новыхъ причинъ всчинати не велель, а велель имъ [московским послам] быти въ ответе у себя на дворе, а къ ближнимъ людемъ шаховымъ имъ не езживатьъ» [СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 79].

В гнезде, к которому принадлежит слово *причина*, присутствуют лексические факты, выражающие семантику начала: *причина* 'начало, почин': «От Ивашка причина была» [Срезневский, т. 2, с. 1494], *причинати* 'начинать': «А сказываютъ: платься однорядки и кафтаны... радные паны причинають делати и многие любять носити ныне съ московского обычая» [СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 79], волг. *причинать*, *причинаться* 'приступать к какому-либо действию, начинать' [СВГ, вып. 8, с. 72]. Бытийный мотив изначального, исконного существования очень продуктивен в лексико-семантическом поле «Обычай».

Производящая основа «процедура». Результатом трансформации книжного слова *процедура* является, вероятно, рус. (мордов.) *процезура* 'обычай, порядок': «Замуш вышль ни спрасясь, пръцызура у нас такая» [СРГМ, ч. 2, с. 1002].

Производящая основа «чередa». Сема исполнения действия согласно порядку зафиксирована и во внутренней форме помор. *цередá* 'обычай, церемония': «Любо — не любо, а череду провести надоть, не нами ведь ето было заведено» [Дуров, с. 433]. Ср. также: литер. *отводить черед* 'делать что-либо не по желанию, а ради соблюдения обычая, правил': «Проводимши мужиков, я поужинал, то-ись, главу только сделал, что ужинал, черед, значит, отвел, а на самом-то деле ничего не ел» (Железн. Уральцы) [ССРЛЯ, т. 8, с. 1288].

Производящие основы «править», «заправлять», «оправлять». Обозначения обычая во многих случаях содержат корневую морфему *-прав-*. Это могут быть бесприставочные образования или существительные с приставками *за-*, *о-*: волог., карел. *п ráво* 'обычай, традиция': «Право другое, у нас не так делают» [СРГК, вып. 5, с. 137], свердл. *п ráвило* 'обычай': «Не в правиле у нас так делать» [ЭИС, вып. 3, с. 131], астрах. *зап ráв* 'обычай, обряд, обыкновение' [СРНГ, вып. 10, с. 351], ворон., перм. *зап ráва* 'обычай, привычка': «Уже здесь в этом селе издавна такая заправа: бабы ходят с кичками и в поневах» [Там же], тамб. *зап ráва* 'обычай, порядок в быту': «Привязли миня с чужова сяла. Паставили на стол кроху. Ничаво. Ниужели у них тута такая заправа. Я ничяво ни знаю. А мне стыдна была. Ниужэли у них тах-та?» [СТГ, с. 81], дон. *зап ráва* 'обычай': «Тада такая была заправа» [БТСДК, с. 177], рус. (мордов.) *зап ráва* 'обычай': «Уш такая заправъ была в диревни — фсё сами дельли»; «Раньшъ ф пичях парились, заправъ така была»; «У нас нет такой заправы — зьлатую свадьбу играть» [СРГМ, ч. 1, с. 281], волог. *оп ráва* 'порядок, образ жизни': «Я не хулю нонешну оправу. Не любо — не живите. Как уходят, так и надо, а то че терпеть. Один в одну сторону, другой в другую» [СРГК, вып. 4, с. 222].

Реконструкция мотивировки для подобных языковых фактов должна проводиться на основе соотнесения с глаголами того же корня, имеющими близкие значения: разг. *справлять* 'отмечать по установленному обычаю (какое-либо событие); устраивать': «Поминки по отцу Борис справил княжеские; напоследок пировала у Бориса почти вся деревня» (Сок.-Микит. На tepl. земле) [ССРЛЯ, т. 14, с. 581], диал. *отп ráвить* 'отметить по обычаю, справить' (оренб., урал.): «Для того-то они в будни и берегают лишний рубль, чтоб отправить как следует, наряду с прочими, праздник» и 'провести, совершить по обряду' (оренб., урал.): «Помер мужик, отправили похороны»; «Сорочкины отправили честь честью» [СРНГ, вып. 24, с. 278], онеж. *вып ráвливать* 'отмечать по установленному обычаю какое-либо событие': «Стану я години-именины вси выправливать, Вси выправливать за двенадцать лет» [СРНГ, вып. 5, с. 332], свердл., север. *исп ráвлять* (несов. *исп ráвить*) 'отмечать по обычаю какое-либо событие, праздновать, справлять': «Я исправила честное похороньце»; «Нас приглашали свадьбу исправлять»; «День рождения я не исправляла никогда» [СРНГ, вып. 12, с. 242]. Глаголы, как можно видеть, демонстрируют еще большее разнообразие префиксов. Показательно и наречие вят., свердл. *по п ráвски* 'по правилам; по обычаю': «У их свадьба была по-правски, в церкви венчались» [СРНГ, вып. 29, с. 340].

Хотелось бы обратить внимание на семантическое различие между существительными, обозначающими обычай, и глаголами, обозначающими действия по исполнению обычая: иллюстративные контексты свидетельствуют о том, что существительные используются по отношению к бытовым особенностям (организации хозяйственных работ и приема пищи, ношению одежды, мытью в печах, разводам и т. д.), а глаголы характеризуют исполнение обрядов — свадебных, похоронных и т. д.

Трактовка обычая как «того, что правят, справляют» возможна (поддерживается глаголами), однако отмеченное различие между однокоренными словами разных частей речи может свидетельствовать о том, что для существительных

релевантна идея установления, ориентира, правила — «того, что является правильным» (в гнезде слов, к которому принадлежат слова *управлять, направление, правило, правильность*, эта идея — одна из центральных).

Производящая основа «обиходить». Семантическим аналогом *обряду, порядне, справе* как обозначениям работы по хозяйству является и диал. *обиход* 'умение хорошо вести домашнее хозяйство, содержание дома в чистоте и порядке' [СРНГ, вып. 22, с. 68], поэтому ожидаемо и появление у него значения 'обычай': арх., кубан. *обиход* 'традиция, обряд, церемония, обычай' (*свадебный обиход; праздничный обиход*; «Я все их обиходы знаю» [Там же]. Во внутренней форме слова обнаруживается «об-ход» (сложение именной формы префикса *оби-* и имени **xodъ*) [ЭССЯ, вып. 27, с. 94], а в смысловом отношении мотивировочный признак актуализирует сему ухода за кем-, чем-либо, ухаживания, обслуживания, исполнения принятого порядка.

Производящие основы «положить», «поставить», «установить». Среди дериватов слов, которые этимологически выражают семантику положения в пространстве, есть диалектные обозначения обычая. Это, во-первых, дериваты слова *положить*: смол., твер. *положение* и *положение* 'заведенный порядок, обычай': «У нас завсегда тако положение: уж ты, любезный, не рушь его» [СРНГ, вып. 29, с. 99], карел. *положение* 'обычай, порядок': «А теперь нет такого положения, невесте косу-то не расплетают» [СРГК, вып. 5, с. 57], свердл. *положенность* (ср. р.) 'обычай': «Тако положенность было, что в баню поведёшь, дак виник надеват. И на вино-то ленты навярчивали красны, на стол поставят» [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Во-вторых, в качестве привлеченных производящих основ выступили слова *поставить, установить*: юж.-урал. *постановка* 'обычай, заведение': «В празднишны дни постановка такая была: девка сидит на беседке, сиденки такеи» [Малеча, т. 3, с. 343], юж.-урал. *постановка* 'обычай, общепринятый порядок' [СРНГ, вып. 30, с. 213], урал. *установка* 'традиция, обычай, распоряжение': «Третьего декабря любого прошлого года до революции установка войскового порядка была такова — выезжали на багрень» [Малеча, т. 4, с. 338].

Между первоначальной для соответствующих словообразовательных гнезд семантикой положения в пространстве и интересующим нас значением 'обычай' есть промежуточные ступени. Ближайшим семантическим источником для приведенных существительных со значением 'обычай' служат глаголы ЛСГ принятия решений, ср. разг. *положить* 'назначить, установить, определить' и 'решить, постановить' [ССРЛЯ, т. 10, с. 1049–1050], *постановлять* 'принимать решение относительно чего-либо, устанавливать': «Оскорбление тяжелое, и общество офицеров постановляет поединок» [Там же, с. 1535], *устанавливать* 'осуществлять, налаживать, организовывать' и 'назначать, определять, утверждать' [ССРЛЯ, т. 16, с. 961], астрах., волог., вят., сарат., смол., том., урал. *положить* 'поставить, определить, распорядиться': «На чем старшие положили, на том и младшие порешили»; «Изгорода не разгораживается, пока мир того не положит» [СРНГ, вып. 29, с. 101], камч., твер. *постановлять* 'назначать, определять, устанавливать': «Какое жалованье тебе постановлено?»; «Отдам за ту цену, которую вы постановили» [СРНГ, вып. 30, с. 214]. Действиям, обозначаемым этими глаголами, может быть свойственна бессубъектность или неопределенная субъектность, которая

может передаваться синтаксическими средствами — безличными конструкциями *положено, постановлено*. Этот лексический материал позволяет заключить, что в обозначениях обычая реализовались нормативно-регулятивные мотивы ('размещать в пространстве, определять место чего-либо' → 'управлять, решать, организовывать, определяя порядок чего-либо' → 'обычай').

В русских обозначениях обычая реализуется также мотив ориентира, эталона.

Производящая основа «мода». Ранее мы уже отмечали, что слово *обычай* имеет среди прочих значение 'мода, современная тенденция', но и слово *мода* в русских народных говорах используется в качестве обозначений обычая как обряда либо бытового установления. В доступных нам словарях русских народных говоров у слова *мода* только дважды значение 'обычай' выделено в самостоятельное: помор. *мода* 'обычай, современный порядок': «Теперь уж мода не тая, что прежде была, кругом с песнями по улицам посада вечеру не ходят» [Дуров, с. 226], свердл. *мода* 'обычай': «Такая мода была заверована»; «На второй день мы к им [сватам] едем — хозяйство смотреть. Это уж обязательно, така мода была» [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Однако это значение, оставшись неназванным, может быть выявлено в контекстах, служащих иллюстрациями в словарных статьях, посвященных другим лексическим фактам: перм. «Была мода такая: у невесты есть какое приданое, свадебжане надевают и по деревне казать богатство» [СРГЮП, вып. 3, с. 76], «Я выскочила, ей коблуком раз — хлысь, хлысь по башке её. Такая мода уж была — подругу невеста колотит» [Там же, с. 311], «В избе везде народ, угланы на полатах лежат, все смотрят на жениха с невестой, молодежник-то — голов десять-двенадцать, мода была заведена такая, полные палаты, на печи, везде смотрели на жениха с невестой» [СРГЮП, вып. 1, с. 188], новг. «Прежде мода така была: парни садятся на колени к девкам и целуют каждую по кругу; это головешки собирать на посидке» [НОС, с. 173] и др.

Прокомментируем мотив, который обусловил появление значения 'обычай'. Мы имеем дело с заимствованием, которое было усвоено народной речью. Хорошим подспорьем для появления значений 'популярная тенденция' и 'обычай' явилось представление о моде (в разных ее ипостасях) как эталоне, мериле, нашедшее выражение в значениях 'пример', 'мера' и 'образец выполнения чего-либо, модель': перм. *сверх моды на вершок* 'о чем-л. в большом количестве, в избытке': «В те годы-то не было экого в магазинах. А в эти-то годы уж все появилось сверх моды на вершок» [СРГЮП, вып. 2, с. 93], том. *снять моду с кого, с чего* 'взять пример с кого-л., следовать какому-л. образцу' [СРНГ, вып. 18, с. 195], арх. *на другую моду* 'иначе, по-другому': «Дома-то двужирные, двуконечные строили, а нынъ всё на другую моду» [СРГК, вып. 3, с. 244] и мн. др. Носители народной культуры осознают, что обычай довлеет над человеком в условиях традиционного быта, подчиняет себе взаимодействия в общине, определяет организацию хозяйственных работ и обряда. Этим объясняется выбор мотива: сходство между модой и обычаем состоит в том, что они выступают «образцами», на которые ориентируются люди.

Производящая основа «дорога». Среди пространственных образов символическими значениями наделен образ дороги, который проявился и в обозначении обычая: волог. *дорога* 'закон, правило, обычай': «Как дорога гласит, так

и поступай» [Дилакторский, с. 109]. В поиске семантического источника для появления этого диалектного лексического факта, помимо концептуализации дороги как судьбы человека (например, *дорога* 'о жизненном пути; об образе действий, о поведении': «Лучшую дорогу избрал, кто правду всегда говорить принял» [СРЯ XVIII, вып. 6, с. 218], урал. *дорога* 'судьба': «У меня така дорога: смеются надо мной — урод я» [СРНГ, вып. 8, с. 132]), можно указать также на понимание дороги, пути как вектора, генерального направления, служащего ориентиром при организации жизни и деятельности людей в какой-либо области действительности — в политике, творчестве и т. д.: *дорога* 'направление, путь следования': «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму»; «Лихой был вояка [Кочубей], благородный человек, неграмотный был, а понимал, что его дорога с Лениным»; «С половины второго десятилетия XIX века совершенно кончилась эта однообразность в направлении творческой деятельности: литература разбежалась по разным дорогам» [ССРЛЯ, т. 3, с. 1004]. Обычай, как и дорога, — это «то, что ведет, направляет, указывает, выступает ориентиром».

Производящая основа «стопа». Возможно, к образу дороги апеллирует и юж.-урал. *стопá* 'обычай': «У нас вить у казаков все по-особенному, так и счас придерживаюся етих стопов» [Малеча, т. 4, с. 186]. Ср. наличие в тех же говорах соответствующего обозначения летней дороги: юж.-урал. *стопá* 'дорога, по которой ездят летом' [СРНГ, вып. 41, с. 231].

Однако мотив ориентира здесь может актуализироваться на базе соотношения с другим значением слова — южн., юж.-урал. *стопá* 'след, отпечаток ноги' [Там же]. Показательна для слова *стопа* в значении 'обычай' сочетаемость с глаголом — *придерживаться стопов*. В других говорах находим употребления слова *стопа* с глаголами передвижения в пространстве в описаниях следования образцу и подчинения: ряз. *идти, ходить по чьей-либо стопé, стопám* 'повиноваться, подчиняться кому-либо': «Он по нашей стопе-то не идет, дождик-то» и 'следовать чьему-либо примеру, поступать согласно какому-либо образцу': «Молодые люди по нашей стопе не идут, они идут по своей стопе» [Там же].

Производящая основа «постен». В плане актуализации в лексике обычая мотива отпечатка, следа интересный случай представляет собой сев.-двин. *постén* 'обычай, привычка' [СРНГ, вып. 30, с. 225], в отношении которого мы можем лишь выдвигать предположения, поскольку источник не содержит иллюстративного контекста.

В русских народных говорах это слово и его варианты обозначают, помимо нечистой силы (домового, черта и пр.), также какой-либо отпечаток — тень от чего-либо или след на снегу: новг., петерб., пск. *постén*, моск., новг., пск., твер., яросл. *постéнь*, пск. *пастén*, новг., пск., твер. *пáстень* и *пастéнь* 'тень, падающая от кого-, чего-либо': «Скоро и вечер, смотри постен какой»; «Ты идешь и постен иде»; «А у нас этта Васька увидел свою постень на стене, да как заревет — Ой боюсь!» [СРНГ, вып. 25, с. 262; вып. 30, с. 225], калин., калуж., твер. 'отпечаток кого-, чего-либо на снегу': «На постен нельзя глядеть — на человека влияет» [СРНГ, вып. 30, с. 225]; ср. *постень* 'место под стеной': «Азь бо есмь... аки трава блещена, растяще на постени, на нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет» [СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 239].

Чрезвычайно важно, на наш взгляд, что среди иллюстративных контекстов много таких, в которых речь идет о наблюдениях над тенью или следом, служащих, как видно из объяснений говорящих, знаками, носителями информации.

Во-первых, по тени определяют время: ленингр. «Время раньше по постену глядели» [СРГК, вып. 5, с. 97]; пск. «Хошь узнать время, гляди на свою пастьень»; «По пастьени теперь будя коло полдня»; «В обед пастен маленький»; «Скоро солнце за лес: пастьень большой» [СРНГ, вып. 25, с. 263]; пск. *постен супротив* 'о времени, близком к полудню': «— Как-то рано, братке? — Да уж постен супротив» [СРНГ, вып. 30, с. 225].

Во-вторых, в гаданиях по отпечатку тела человека на снегу или по его тени, появляющейся на стене от горения свечи, предсказывается судьба человека: ленингр. «На Рождество гадали, угарку жгли, перед стеной держали и на постьень глядели»; волог. «Показывается отражение на поьстене, так смотрим, что получается» [СРГК, вып. 5, с. 97]; твер. «В рождественский сочельник вечером девицы делают (постен), т. е. ложатся спиной на снег, чтобы получился отпечаток фигуры на снегу. Наутро примечают, если постен ровный — муж будет добрый» [СРНГ, вып. 30, с. 225].

Тень и след выполняют функцию основания оценки, средства узнавания времени или судьбы человека. Думается, символический потенциал этих образов проливает свет на мотивы использования слова *постен* в качестве обозначения обычая, также служащего мерилom, ориентиром для представителя традиционной культуры.

Производящая основа «привилегия». Вероятно, в результате переосмысления книжного слова, попавшего в новую речевую среду, появились арх. *привилэгия* 'обычай, укоренившийся в быту порядок': «В других местах, наверно, иначе делали, иные были привилегии, по-иному водилось» [СРГК, вып. 5, с. 149], свердл. *привилэгия* 'обычай': «Ещё привилегий-то много было» [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Сема 'главный, приоритетный' дает к этому достаточные основания. Идея доминирования, приоритетности была преобразована в мотив ориентира, нормы, с которой сверяются способы организации быта и поведение людей.

Производящая основа «ум». Концептуализация ума как нормы (подробнее см. [Леонтьева, 2008, с. 241]), т. е. мерила, ограничителя, служащего основой и инструментом оценки и коррекции поведения человека (ср. *наставить на ум, делать по уму*), позволяет отнести к числу регулятивных мотивов свердл. *ум* 'обычай': «Ума-то в деревне много нарушили»; «Дурной ум принятой был... Обливали молодых» (в Чистый понедельник Великого поста) [ЭИС, вып. 3, с. 131].

Производящая основа «люди». Поскольку субъектом социальной регуляции выступает собственно сообщество людей, обозначение обычая может быть производно от слова *люди*: пск., твер. *полюдьё* 'обычай, заведенный порядок': «Уж у них такое полюдьё» [СРНГ, вып. 29, с. 186]. Ср.: ленингр. *людскі* 'так, как следует; правильно': «Ни по-русски умеешь людски, ни по-вепски» [СРГК, вып. 3, с. 169].

Производящая основа «дед». Среди дериватов существительного *dědъ* О. Н. Трубачев называет др.-рус. *дѣдина*, *дѣдѣна* 'дедовское владение, наследие; дедовский обычай, закон' [Трубачев, т. 3, с. 98]. Название старшего

родственника мотивирует обозначение обычая в силу того, что способно указать на обобщенного субъекта закрепления обычая и посредством этого — на давность существования обычая. Этот факт находится в полном соответствии с другими лексическими и фразеологическими единицами, описывающими обычай и объекты действительности, связанные с ним. Ср. использование мотивировочного признака «старый»: омск. *состáры* 'издавна, исстари': «Эти обычаи состары взялись» [СРНГ, вып. 40, с. 60], новосиб. *старíнку поддёрживать* 'сохранять обычаи, традиции старины' [СРНГ, вып. 41, с. 73], диал. (Удм. ССР) *старобытный* 'придерживающийся старых обычаев (о человеке)' [Там же, с. 78], диал. [без указ. места] *стародум* 'любитель обычаев старины' [Там же, с. 80]. Носитель языка обращается также к мотивировочному признаку «до сих (пор)»: карел. *издосильного* 'издавна': «Этот обычай у нас издосильного идет» [СРНГ, вып. 12, с. 131], сиб. *по досёльке* 'по старинному обычаю' [ФСРС, с. 63] и др.

Таким образом, среди нормативно-регулятивных мотивов можно выделить три основные группы:

— мотивы расположения, порядка, организации, актуализировавшиеся через посредство производящих основ «ряд», «чин», «череда», «править, заправлять, оправлять», «процедура», «обиход», «положить», «постановить», «установить»;

— эталонно-ориентационные мотивы, реализовавшиеся при обращении носителя русского языка к производящим основам «мода», «дорога», «стопа», «постен», «ум», «привилегия» и др.;

— социально-регулятивные мотивы, обнаруживающиеся при использовании производящих основ «люди», «дед».

Этот комплекс мотивов, как нам кажется, является выразительной иллюстрацией к результатам социально-философских исследований, доказывающих регулируемую функцию обычая, его определяющее влияние на поведение человека как части социума, ср.: «Обычай вводит поведение молодого поколения в русло, проложенное старшими поколениями, через детальную регламентацию действий в конкретных ситуациях» [Суханов, с. 9].

Весьма показательно и запечатленное средствами языка представление о средствах социорегуляции. При отсутствии внешних или даже сформированных «внутри» общества, но обособленных органов управления средством регуляции поведения человека выступает собственно окружающий порядок, строй жизни («ряд», «порядок», «чин», «череда», «обиход»). Порядок приобретает инструментальную трактовку: он выполняет в жизненной практике функцию инструмента управляющего воздействия — социального эталона.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; ф-т филологии и журналистики; каф. общ. и сравн. языкознания. М., 2003. 608 с. [Bol'shoj tolkovyj slovar' donsogo kazachestva / Rostov. gos. un-t; f-t filologii i zhurnalistiki; kaf. obshh. i sravn. jazykoznanija. M., 2003. 608 s.]

Варбот Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2007. С. 45–46. [Varbot Zh. Zh. Jetimologicheskie

gnezda i leksiko-semanticheskie polja // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : III Mezhdunar. kongr. issledovatelej russkogo jazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologičeskij fakul'tet, 20–23 marta 2007 g.) : trudy i materialy / sost. M. L. Remneva, A. A. Polikarpov. M., 2007. S. 45–46.]

Веснина Г. Ю. Эволюция лексических средств выражения понятия «норма» в русском языке // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всерос. молодеж. конф. / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск, 2012. С. 87–89. [Vesnina G. Ju. Jevoljucija leksičeskikh sredstv vyraženiija ponjatija «norma» v russkom jazyke // Tradicii i innovacii v filologii XXI veka: vzgljad molodyh učenyh : materialy Vseros. molodezh. konf. / отв. ред. Т. А. Demeshkina. Tomsk, 2012. S. 87–89.]

Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. 168 с. [Glebkina V. V. Ritual v sovetskoj kul'ture. M., 1998. 168 s.]

Грицкевич Ю. Н., Новиков В. Г. Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе // Вестн. Псков. гос. пед. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2011. Вып. 15. С. 77–80. [Grickevich Ju. N., Novikov V. G. Koncept «MODA» v dialektnom diskurse / Vestn. Pskov. gos. ped. un-ta. Ser. «Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogičeskie nauki». 2011. Vyp. 15. S. 77–80.]

Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. (Рукоп. Ин-та рус. яз. АН СССР). [Dilaktorskij P. A. Slovar' oblastnogo vologodskogo narečija v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii. Vologda, 1902. (Rukop. In-ta rus. jaz. AN SSSR).]

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011. 453 с. [Durov I. M. Slovar' zhivogo pomorskogo jazyka v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii / отв. ред. И. И. Mullonen. Petrozavodsk, 2011. 453 s.]

Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 51–66. [Kravčenko A. V. O tradicijah, jazykoznanii i kognitivnom podhode // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo : sb. v chest' E. S. Kubrjakovoj. M., 2009. S. 51–66.]

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2008. 280 с. [Leont'eva T. V. Intellect čeloveka v russkoj jazykovoj kartine mira / pod red. E. L. Berezovich. Ekaterinburg, 2008. 280 s.]

Леонтьева Т. В. Ментально-психологические мотивы в русских обозначениях обычая // Научный диалог. 2014. № 4 (28): Филология. С. 42–56. [Leont'eva T. V. Mental'no-psihologičeskie motivy v russkikh oboznachenijah obyčaja // Naučnyj dialog. 2014. № 4 (28): Filologija. S. 42–56.]

Львов А. С. Лексика Повести временных лет / АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1975. 368 с. [L'vov A. S. Leksika Povesti vremennyh let / AN SSSR, In-t rus. jaz. M., 1975. 368 s.]

Малеца Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург, 2002–2003. [Maleca N. M. Slovar' govorov ural'skikh (jaickih) kazakov : v 4 t. Orenburg, 2002–2003.]

Мустайоки А., Вепрева И. Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Рус. яз. за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62. [Mustajoki A., Vepreva I. T. Kakoe ono, modnoe slovo: k voprosu o parametrah jazykovoj mody // Rus. jaz. za rubežhom. 2006. № 2. S. 45–62.]

НОС — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2010. XXVII, 1435 с. [Novgorodskij oblastnoj slovar' / In-t lingv. issled. RAN ; izd. podgot. A. N. Levichkin i S. A. Myznikov. SPb., 2010. XXVII, 1435 s.]

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. Вологда, 1983–2007. [Slovar' vologodskih govorov : v 12 vyp. Vologda, 1983–2007.]

Сичинава Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня [Электронный ресурс] // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов конф. : ЮФУ, ноябрь, 2013. Ростов н/Д, 2013. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html (дата обращения: 25.03.2014). [Sichinava N. G. Slovo «zakon» v drevnosti i segodnja [Electronic resource] // Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija : sb. materialov konf. : JuFU, nojabr', 2013. Rostov n/D, 2013. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html (mode of access: 25.03.2014).]

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. [Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej : v 6 vyp. / gl. red. A. S. Gerd. SPb., 1994–2005.]

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2013. 1560 с. [Slovar' russkih govorov na territorii Respubliki Mordovija : v 2 ch. / In-t lingv. issled. RAN. SPb., 2013. 1560 s.]

СРГЮП — *Подюков И. А.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2010–2012. [Podjukov I. A. Slovar' russkih govorov Juzhnogo Prika-m'ja : v 3 vyp. / I. A. Podjukov (nauch. red.), E. N. Svalova, S. V. Horobryh, A. V. Chernyh ; Perm. gos. gumanitar.-ped. un-t. Perm', 2010–2012.]

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1893–1912. [Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam : v 3 t. SPb., 1893–1912.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–. [Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F. P. Filina, F. P. Sorokoletova, S. A. Myznikova. M. ; L. ; SPb., 1965–. Vyp. 1–.]

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–. [Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. M., 1975–. Vyp. 1–.]

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л., СПб., 1984–. Вып. 1–. [Slovar' russkogo jazyka XVIII v. / AN SSSR. In-t rus. jaz. ; gl. red.: Ju. S. Sorokin. L., SPb., 1984–. Vyp. 1–.]

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. M. ; L., 1948–1965.]

СТГ — Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / сост. С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. Тамбов, 2001. 278 с. [Slovar' tambovskih govorov (duhovnaja i material'naja kul'tura) / sost. S. V. Piskunova, T. V. Mahracheva, V. V. Gubareva. Tambov, 2001. 278 s.]

Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976. 216 с. [Suhanov I. V. Obychaj, tradicii i preemstvennost' pokolenij. M., 1976. 216 s.]

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127. [Tolstaja S. M. Motivacionnyje semanticheskie modeli i kartina mira // Rus. jaz. v nauch. osveshhenii. 2002. № 1 (3). S. 112–127.]

Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 4 т. М., 2004–2009. [Trubachev O. N. Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura : v 4 t. M., 2004–2009.]

ТСРЯ/С — *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82000 слов и фразеол. выражений) / Л. П. Крысин, Л. В. Куркина ; отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. М., 2007. 1175 с. [Shvedova N. Ju. Tolkovuj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov: (82000 slov i frazeol. vyrazhenij) / L. P. Krysin, L. V. Kurkina ; отв. red. akad. N. Ju. Shvedova. M., 2007. 1175 s.]

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987. [Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. M., 1986–1987.]

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1983. 232 с. [Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Sibiri / pod red. A. I. Fjodorova. Novosibirsk, 1983. 232 s.]

Чурсина О. В. Лексикографические источники как один из способов экспликации концептов (на примере концепта «мода» в английском и русском языках) // Гуманитар. исслед. 2008. № 3. С. 71–77. [Chursina O. V. Leksikograficheskie istochniki kak odin iz sposobov jeksplikacii konceptov (na primere koncepta «moda» v anglijskom i russkom jazykah) // Gumanitar. issled. 2008. № 3. S. 71–77.]

Шацкая Ж. Ю. Метафорическое моделирование как способ репрезентации концепта «мода» // Наука о человеке: гуманитар. исслед. 2014. № 1 (15). С. 224–229. [Shackaja Zh. Ju.

Metaforicheskoe modelirovanie kak sposob reprezentacii koncepta «moda» // Nauka o cheloveke: gumanitar. issled. 2014. № 1 (15). S. 224–229.]

ЭИС — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в 5 вып. Екатеринбург, 2000. Вып. 3 : Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. 200 с. [Vostrikov O. V. Tradicionnaja kul'tura Urala : jetnoideograficheskij slovar' russkih govorov Sverdlovskoj oblasti : v 5 vyp. Ekaterinburg, 2000. Vyp. 3 : Narodnaja jestetika. Sem'ja i rodstvo. Obrjady i obychai. 200 s.]

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–. [Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov: praslav. leksich. fond / otv. red. akad. O. N. Trubachev. M., 1974–. Vyp. 1–.]

Статья поступила в редакцию 25.05.2014 г.

УДК 81:39 + 81'373.6

Е. Л. Березович

О СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ

Семантико-мотивационная реконструкция лексики в современном языкознании является не только частью процесса этимологизации слов, но и становится самостоятельной областью лингвистического исследования, тесно связанной с лексико-семантической типологией, изучением языковой картины мира и др. В статье обосновывается широкое понимание семантико-мотивационной реконструкции, определяются ее задачи, рассматриваются единицы ее категориального аппарата (семантико-мотивационная параллель, семантико-деривационный комплекс, деривационно-фразеологическое гнездо, семантико-мотивационное поле и др.), описываются некоторые методические приемы семантико-мотивационного анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантико-мотивационная реконструкция; этимология; лексическая семантика; семантический переход; семантическая параллель; семантическая типология; этнолингвистика.

Слово *реконструкция* обычно ассоциируется с существенной исторической глубиной, древностью. В лексикологии употребителен термин *семантическая реконструкция*, под которым чаще всего понимают одну из составляющих этимологического анализа, позволяющую восстановить исходный (первичный) смысл слова, который, как правило, скрыт от носителей языка толщей времени и не представлен в синхронной речевой практике.

В одном из своих докладов, сделанном более 30 лет назад, О. Н. Трубачев отметил, что «реконструкция лексических значений <разрядка автора цитаты> решительно отстаёт в своей методике. Её роль пассивна и вспомогательна, о ней вспоминают, когда “что-то не так”» [Трубачев, т. 1, с. 109]. За последние десятилетия в этой области был накоплен существенный новый опыт, но кардинальный сдвиг, по всей видимости, не произошёл. Сетования ученых продолжаются — и признание семантической реконструкции самой